

The background is a vibrant mosaic of small, multi-colored tiles in shades of blue, orange, and yellow. A large, solid orange circle representing the sun is positioned in the upper right quadrant. A black line outlines a mountain peak on the left side, extending from the top left towards the center. The overall composition is abstract and colorful.

Александр
Плоткин

РАССКАЗЫ

18+

Александр Плоткин

Рассказы

ИП «Центр современной литературы»

Плоткин А.

Рассказы / А. Плоткин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-185-0

Александр Плоткин — писатель и психотерапевт. Его романы «Одна простая вещь» и «Запретный плод», рассказы «Виктория Регия», «Голос», «Обман» известны в России и за рубежом. Он ведёт психоаналитическую практику и преподаёт в Институте Психоанализа. Лауреат конкурса Довлатова. Его проза — это не только удивительные истории, характеры и события. Это понимание жизни как сочетания странного и обычного, известного и неизвестного, пустякового и значительного, невозможного и общепринятого. И эта поразительная смесь присутствует в каждом мгновении бытия.

ISBN 978-5-91627-185-0

© Плоткин А.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Отец	5
Обман	10
Виктория Регия	13
Сулема	17
Библиотека	20
Протоколы контакта	23
Ирландские предки	28
Хочешь жить – живи	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Плоткин

Рассказы

Отец

Было утро, и Виктор разговаривал с матерью.

– Они глупые, – сказал Виктор.

– Так не бывает, чтобы все были глупыми. Тебе же нравится дядя Игорь.

– Он добрый, но глупый.

– Но почему?

– Не знаю.

– Тогда не надо так говорить.

Виктор чувствовал, что в этом разговоре он сильнее своей матери, хотя она никогда не говорила ничего плохого об отце Виктора и его друзьях с тех пор, как они развелись. Виктору казалось, что мать с ним одного мнения, но он хотел, чтобы она спорила с ним и доказывала ему обратное или строго накричала на него и запретила ему говорить то, что он говорил об этих взрослых. Он чувствовал, что слова, которые он говорит, ведут к каким-то новым вопросам, которые он не хотел задавать, и к ответам, которые могут прийти помимо его воли.

Они разговаривали в субботу, когда мать собрала Виктора, чтобы он поехал с отцом на дачу к знакомым. Двенадцатилетний курчавый мальчик стоял перед матерью, глядя в пол, и по подвижному лицу было видно, что он что-то мучительно пытается для себя решить. Она почувствовала себя виноватой перед ним.

Мать погладила его по голове. Она решила его успокоить. Они с бывшим мужем договорились, что сын проведет с ним два дня на даче, и следовало, чтобы он поехал повидаться с отцом.

– Поезжай. Ведь ты же хотел поехать. Будешь два дня с папой. Ведь папа же умный.

Да, его отец был умный! Он играл на пианино и мог сыграть любую мелодию со слуха, и мог сыграть «Песню без слов» Мендельсона! Он прочитал много книг и помнил, что в них написано! Когда Виктор хотел пойти на утренник, отец сказал, что там будет скучно, и там было скучно! Он знал, как сделать маленькую яхту!

Он вырезал Виктору деревянные кинжалы! Виктор мог доказать, что его папа умный!

– Поезжай, – повторила мать. – Опоздаешь. Ты же давно не видел папу.

Его вопрос остался непонятным и растворился в воздухе.

Он выбежал через густо намазанные черной краской ворота, свернул у трансформаторной будки и побежал вверх по узкой крутой лестнице с плоскими ступенями и низкими перилами из раскрошившегося ракушечника, сложенного «под дикий камень», и дальше мимо пыльного сквера, который назывался Собачий садик, где был маленький круглый бассейн с гладкими бетонными стенками и фонтанчиком в виде грота из того же ракушечника с торчащей сверху короткой и тонкой железной трубой. Он бежал изо всех сил, боясь опоздать и казняя себя за отнявшие время колебания, стараясь как можно меньше замедлять темп к концу крутых пролетов, когда перехватывало дыхание, и снова ускоряясь на площадках между пролетами. Картина пустоты, которую он сейчас увидит в том месте, где они условились встретиться с отцом, явственно стояла у него в голове и подгоняла его.

– Папа!

Отец обнял его. Он напрасно боялся. Отец ни за что не ушел бы без него.

Отец был очень красивым в летней рубашке в белую и коричневую клетку и аккуратных светлых брюках со стрелкой. На ногах у отца были красивые полузакрытые сандалии и в тон

подобранные носки, а на руке – часы на кожаном ремешке. Лицо у него было умное и молодое, без морщин, несмотря на то, что ему было уже тридцать шесть.

– Смотри, какой вырос, скоро начнет за девками гонять.

Рядом с отцом стоял дядя Игорь, о котором говорила мать. Он всегда говорил о женщинах. Виктор смутился и взглянул на отца. Отец ответил ему взглядом. «Все в порядке, – сказал взгляд отца. – Так можно разговаривать». Почему они с отцом не могли быть вдвоем? Или с людьми, которые бы им нравились?

Виктор улыбнулся, чувствуя свое лицо как чужое. Что-то снова начало шевелиться в нем и не давать ему быть до конца со всеми. Он взял отца за руку.

Отец посмотрел на часы.

– Начальство задерживается, – сказал дядя Игорь.

Они улыбнулись.

Через несколько минут у перекрестка остановились три машины.

– Семен! – Крикнули из одной.

– Бежим, – сказал отец. Отец бежал легко и по-молодому гибко. Они подбежали к первой машине, и отец заглянул в нее, но кто-то внутри махнул рукой, и они побежали ко второй. Дядя Игорь залез в нее, а они с отцом побежали к третьей, и Виктор испугался, что им не хватит места. Добежав до третьей машины, отец заглянул внутрь и с вопросительным выражением на лице показал пальцем сначала на себя, а потом на Виктора. Человек за рулем кивнул. Виктор вдруг подумал о том, что машина, на которой они поедут, чужая, и дача тоже будет чужая, а у отца нет ни дачи, ни машины.

Тех, кто сидел в машине, Виктор не знал. Отец, кажется, знал мельком только одного – того, кто сидел за рулем. Но чтобы не было неловкости от молчания, сидевшие в машине начали разговаривать, и Виктор почувствовал, что возникает какая-то общность, укрывающая его и дающая безопасность. Когда в разговоре возникали паузы, Виктор боялся, что это чувство уйдет, но отец каждый раз в таких паузах находил, что нужно сказать дальше. Когда он в очередной раз пошутил, сидевший рядом с тем, кто вел машину, обернулся, и Виктор увидел большое тяжелое лицо.

– Хохмач, – сказал человек отцу. – Твой наследник?

– Мой.

– Это хорошо. – Что сказать дальше, человек не знал.

– А где вы работаете? – Спросил друг Виктор, радуясь тому, что отец приобрел нового друга.

Он сразу понял, что сделал ошибку, и спрашивать было не нужно. У всех сидевших в машине на секунду изменился ритм дыхания. Отец опустил глаза, как бы оставляя Виктора одного.

– Я работник правоприменяющих органов, – ответил не сразу человек с большим лицом и повернул голову вперед.

Некоторое время ехали молча, потом осторожно, как будто стараясь обходить глубокую яму, опять стали разговаривать. Отец снова шутил, но у Виктора не проходило чувство, как будто в машине кроме тех, кого он видел, сидел кто-то еще, невидимый для него.

Больше он не старался вступать в разговор. Машины выехали из города на шоссе и ехали рядом с узкой насыпью одноколейки, обгоняя короткий пригородный состав с маленьким паровозом и зелеными вагонами с окнами в деревянных рамах.

Дачи стояли в ряд на плоском берегу в ста метрах от моря и двух километрах от парившего на солнце по другую сторону одноколейки лимана. Участок был густо засажен разросшимися фруктовыми деревьями и кустами. Очевидно, здесь, на узкой полоске суши между двумя солеными водоемами, где-то под землей пробивался источник пресной воды.

Компания, вышедшая из машины, и те, кто ожидал на даче, шумели некоторое время, не зная, что делать дальше. Те, кого Виктор здесь знал, были с работы отца, из Пароходства, но отец работал на суше, в порту, а эти плавали на кораблях за границу, потому что оттуда привозят красивые вещи и можно посмотреть дальние страны.

Все суетились и что-то доставали из багажников, только человек с большим лицом стоял возле своей машине, непонятно улыбаясь, как будто что-то заранее одобрял. Из другой машины вышла девочка – ровесница Виктора и ее мать, которая сразу сняла с нее платье. У девочки был толстый живот, и черный потертый купальник был ей уже мал.

– Машенька, гитара здесь? – Громко говорил отец жене дяди Игоря смешным голосом, чтобы слышали все. – Шашлык, я полагаю, замаринован?

– Все есть, Семочка, все. Не волнуйся.

– Это очень важно! – Отец с напускной серьезностью поднял палец.

– Сема, ну о чем ты говоришь. Вот лучше познакомься. Это очень хорошая Вера.

Хорошая Вера стояла рядом, опустив большие руки. Виктор сразу почему-то подумал, что его мать гораздо красивее этой женщины, хотя матери здесь быть не могло.

Отец шумел, переходя от одного человека к другому, и, элегантно владея атмосферой, без лишних усилий объединял компанию. Он не боялся подойти и начать первым разговор с человеком, в то время как остальные, особенно те, кто не знал друг друга, как будто боялись друг друга и не решались сделать первый шаг. Все улыбались отцу и послушно включались в то, что он делал, как будто он был здесь главным. Виктор тоже улыбался и радовался успеху отца, но ему казалось, что отец своими шутками прячется от кого-то и выставляет вместо себя другого человека, и было непонятно, зачем он так делал.

Отец почувствовал его взгляд.

– Пойдешь с нами купаться?

– Конечно.

– Может, останешься поиграть с девочкой?

Ригину слышалась в голосе отца виноватая нота.

– Нет.

– Ну, давай!

Отец подмигнул ему, вовлекая в общую атмосферу, и Виктор благодарно улыбнулся, потому что улыбка отца была привычной, той, которую он всегда знал.

Женщин оставили готовить ужин, а мужчины пошли к морю.

Все выкупались и легли на тончайшем, похожим на белую пыль песке. Виктор лежал на животе, положив подбородок на руки. Перед ним прямо из песка росло несколько высоких тростников с жесткими перехватками между концами. Их узкие острые листья перегибались и подрагивали. Людей на пляже почти не было, только вдалеке виднелись компании с соседних дач.

Отец и дядя Игорь куда-то ушли и скоро вернулись с двумя здоровенными стриженными блондинками.

– О, Сема, ты, я вижу, ходы-выходы знаешь, – сказал человек с большим лицом и сразу сел.

– Так точно. Это же очень хорошо, – подтверждал отец, как будто хотел кого-то успокоить.

Блондинки хихикали и хотели лежать только рядом друг с другом.

– Фант, фант, – улыбаясь, повторял дядя Игорь.

– Ну, не надо, – блондинки крутились, как будто их щекотали.

– Обязательно!

– Нет, у нас такой порядок, – очень серьезно сказал отец. – Вы должны нам показать, как вы можете согреть мужчину.

Блондинки легли носами в песок и зафыркали.

– О, Сема! Ты, я вижу, дело понимаешь, – смеялся человек с большим лицом.

– Позвольте, коллега, – сказал отец с профессорской интонацией, указывая на катившийся по ветру целлофановый пакет, – если я не ошибаюсь, это презерватив.

– Слоновий, – добавил дядя Игорь.

Виктор не знал, что такое презерватив, но чувствовал, что ему стыдно. Его удерживало общее веселье, и в то же время хотелось уйти. Он хотел что-то спросить у отца, но сам не знал, что именно, и сколько он ни смотрел на него, отец не замечал его взгляда. Виктор понял, что отец сейчас занят другим и не думает о нем. Странно было, что блондинкам все это нравилось, а ему казалось, что их обижают. «Может быть, так нужно?» – подумал Виктор.

Блондинки ушли переодеваться и обещали прийти в гости, и Виктор не понял, зачем они хотят прийти.

Виктор страшно проголодался, и когда сели за стол, набросился на еду. На столе был шашлык с кислым соусом из слив, которые росли в саду, салат, маслины, свежий хлеб, серебристая соленая тюлька, привезенная из города колбаса, которую здесь никто не ел, и роскошный арбуз. Виктор заметил, что водку пьют охотнее, чем напитки из иностранных бутылок.

Из-за острова на стрежень
Топай, топай – эх!
Стенька Разин выплывает
Кверху попой!

Дядя Игорь пел громко и напористо, со второго куплета припев подхватили все.

Топай, топай – эх!
Нас на бабу променял!
Кверху попой!

Виктор отяжелел от еды и устал от этого мгновенно пролетевшего дня, и то, что не давало ему быть со всеми, на время ушло.

Взрослые пели, и за столом было весело.

– Компания! – сказал отец с дрожью в голосе. – Это же компашечка!

Маша принесла ему гитару.

– Сема! – ревел человек с большим лицом. – Может, шо-нибудь блатное? Сема!

– Верочка, иди сюда, – сказал отец вежливым голосом, делавшим все, что он говорит, двусмысленным.

– Куда ты меня зовешь, Семочка? В кустики?

– Нет, зачем, в кустики не нужно, – очень серьезно сказал отец. – Иди ко мне.

– За дружбу этого стола!

Когда пришли блондинки, Маша что-то сказала отцу, кивая на Виктора.

– Да, правильно, – сказал отец. Иди-ка, парень, спать. Уже знаешь, какой час?

Лицо у отца было доброе, но, хотя Виктор уже очень хотел спать, он все-таки почувствовал, что доброта отца направлена не к нему, а куда-то мимо.

– Я вам постелю на террасе сверху, – сказала Маша. – Будешь на улице спать вместе с папой?

– Да, – сказал Виктор. Это было интересно. Он еще никогда не спал на улице.

– Иди умойся и подымись по лестнице на террасу, на второй этаж.

Виктор встал из-за стола и пошел умываться за кусты.

Он умылся и пошел к дому по темной дорожке, не возвращаясь к столу, откуда доносились голоса и смех. У темной стены дома он увидел два красных огонька от сигарет и услышал голоса отца и дяди Игоря.

– Теперь он тебе откроет визу. Ты ему угодил с этой блондинкой. Будешь плавать за границу.

– Но у него же морда, я тебе скажу.

– Паек слуги народа.

Виктор с удивлением услышал, что у отца совершенно другой голос, не похожий на тот, которым он говорил за столом.

– Надо еще с подоночками посидеть.

Виктор, ни о чем не думая, поднялся по железной лесенке на верхнюю террасу, где рядом стояли два застеленных топчана. Он разделся и лег, положив руки под голову.

И вдруг Виктор понял, какой вопрос он все время хотел задать, и сразу же понял, какой на него есть ответ. Он хотел спросить, почему отец, умный и красивый человек, общается с этими людьми, пьет с ними водку, поет глупые песни и развлекает человека с большим лицом. Было ясно, почему это так. Отец хотел плавать за границу, и человек с большим лицом мог это разрешить. Вот ради чего все это было. Вот почему отец был здесь. Как хитрый и трусливый Валерик у них во дворе, отец заискивал, улыбался и заглядывал всем в лицо! Вот почему его отец, знавший наизусть «Маленького принца» и споривший с матерью о Хемингуэе, которого не любил, ведет себя так, подлаживается к этим людям, притворяется не таким, какой он есть, старается слиться с ними и говорит с двусмысленной интонацией глупые, пошлые шутки и... и теперь уже понятно, какой он человек. Его отец боится!

Виктор катался и переворачивался на своем топчане, до боли стараясь подавить в горле слезы, но наконец не выдержал и громко заплакал. Он плакал и боялся, что кто-нибудь услышит его плач и придет его успокаивать. Но все было тихо. Чувствовалось большое открытое пространство. Темное небо, кусты и деревья образовывали единый живой ансамбль, объединяемый теплым тихим воздухом. Виктор решил сходить искупаться к морю. Он встал, спустился с террасы и пошел к выходу из сада, стараясь идти так, чтобы его тень попадала не на освещенные яркой луной места, а на темные кусты и их тени. Виктор делал это не потому, что боялся, как бы его не заметили, а потому, что хотел слиться с происходившим вокруг действием ночи и не хотел нарушать его. Он старался дышать в такт медленному движению воздуха. Дойдя до калитки, Виктор решил, что дальше идти не стоит. Ему не захотелось выходить из сада в отрезок степи между поселком и пляжем, где не было деревьев и кустов. Он постоял между деревьями, вернулся на террасу и лег.

Через некоторое время пришел отец. Он был пьян, но хорошо владел собой. Двигаясь бесшумно, округлыми, плавными движениями, он стал разбирать постель, готовясь ко сну. Их топчаны стояли вплотную. Красивое лицо отца было близко наклонено к Виктору. По лицу Виктор видел, что отец вполне доволен и какие-то намерения реализовались.

Виктор лежал с открытыми глазами, но отец не замечал, что он не спит.

– Папа, – сказал мальчик с нежностью.

Отец вздрогнул, опустил руки и посмотрел на него.

– Папочка, милый!

Обман

Завуч вошел, хлопнули крышки парт, и все встали. Не останавливаясь в дверях, завуч прошел в середину комнаты и встал у доски.

Свет на всем этаже перегорел сегодня уже во второй раз. Он знал, что сейчас следовало делать и чего он должен от них добиться. Завуч был маленького роста и носил коричневый двубортный пиджак и синие офицерские брюки, заправленные в сапоги.

– Кто сделал короткое замыкание? – Спросил завуч. – Я найду того, кто мешает нам всем заниматься. Кто это сделал?

Ему никто не ответил.

– Хорошо. Буду спрашивать каждого индивидуально.

Завуч подходил к мальчику или девочке и спрашивал, кто это сделал. Одних он спрашивал так, как будто давал понять, что доверяет им и они должны оправдать его доверие, а других так, как будто сомневался в них, но давал им шанс исправиться. Услышал ответ, он иногда сразу переходил к следующему, а иногда подолгу смотрел отвечающему в глаза. Те, к кому он подходил, вставали, но, получив ответ, завуч не говорил «садитесь», и они оставались стоять. Стоя нельзя было оборачиваться, и каждый, кто уже ответил «не знаю», стоял и слушал, что скажут те, кто был у него за спиной.

«До меня кто-нибудь скажет», – подумал Ригин.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь сказал, но и не хотел, чтобы завуч спрашивал его. Чувство собственной беспомощности доводило его до ненависти. Он хотел разрушить школу или сделать так, чтобы завуч стоял перед всеми на коленях и просил прощения. «Гадство, – подумал он. – Он заставит меня давать «честное слово». Они всегда заставляют меня давать «честное слово». Откуда они знают, кого заставлять давать «честное слово», а кого – нет. Я приду после уроков с собакой и спущу ее на него. Он будет бежать по улице и орать». У Ригина не было собаки.

Завуч прошел две парты. Он приближался к концу ряда. В первом классе их рассадили по алфавиту. С тех пор кое-кто пересел, но в целом порядок сохранился. Ригин потерял пальцем черную крышку парты. За потным пальцем оставался туманный след. Ригина начало подташнивать. Ему вспомнилось, как по улице, где он жил с родителями, бежал вор. Он бежал большими прыжками, держа в руке украденный шарф. У него были светлые волосы и очень широко расставленные светлые глаза. За ним бежал хозяин шарфа. Казалось, что он бежит гораздо быстрее вора, но расстояние между ними все время увеличивалось. Ригин вспомнил, что у него тогда впервые возникло чувство, как будто он видит все со стороны: самого себя, беспомощно прижавшегося к ограде сквера, и пробегающих мимо него вора и хозяина шарфа.

Потом он вспомнил, как однажды ходил ловить на пирс бычков. Погода в этот день была плохая, но Ригину мама заранее уже разрешила пойти ловить рыбу, и он все-таки пошел, чтобы зря не пропадало разрешение. Ригин прошел приморский парк и спустился к пирсу. Здесь он увидел, что ловить было нельзя: волны перехлестывали через пирс. Ригин повернулся и хотел уйти, но увидел, что за спиной у него стоит взрослый.

– Мальчик, что ты тут делаешь?

– Пришел ловить рыбу.

– А разве ты не знаешь, что сюда опасно ходить одному? Тем более что ты мальчик?

Ригин не знал, какая опасность в том, что он мальчик. Он подумал, что взрослый хочет, чтобы он ушел.

– Что это у тебя?

– Удочка.

– Покажи.

Взрослый говорил с ним так, чтобы он испугался.

– Отдайте, дядя.

– Подожди.

Если он хотел, чтобы Ригин ушел, то непонятно было, почему он не отдавал удочку. Удочка была ему не нужна.

Еще Ригин вспомнил, как на перемене его толкнули на Дору Перцову. Дора была крупная девочка. Ее большая грудь высоко поднимала школьный фартук. Его толкнули на нее, и он упал и попал рукой ей на грудь. Ригин подумал, что ей больно. Дора опустила глаза и улыбнулась. У Ригина потом долго было чувство, что он что-то должен сделать, но он не знал, что. Он знал, что что-то такое существует, но ему казалось, что это запрещено, и негде было узнать.

Потом он вспомнил, как у них во дворе играл Сашка-Китаец. Он надел на швабру женские малиновые рейтузы, бегал по двору и кричал: «Бей жидов, спасай Россию». Ригину стало весело. Он бежал за ним и тоже кричал. Мимо прошел отец. Вечером отец сказал: не надо повторять слов, которых не знаешь.

– А что это значит? – Спросил Ригин.

Отец погладил его по голове и не стал объяснять. Он не хотел отвечать.

Завуч начал спрашивать тех, кто сидел во втором ряду.

«Он подойдет и спросит, кто это сделал. Я отвечу ему «не знаю», и он скажет: «Дай честное слово». Когда завуч спрашивал, то наклонял голову к плечу, как птица, и прижмуривал глаз. Ригин знал, что не сможет соврать, если скажет «честное слово».

Их шестой класс состоял из двоечников и отличников, детей из благополучных семей, как Ригин, и ребят, которые постоянно поворовывали, пока еще по мелочам, в основном фрукты с лотков, и играли в «расшибалочку» с пьяными хулиганами, плевавшимися сквозь зубы большими сгустками слюны. В их классе училась дочка директора комиссионного магазина и сын школьного дворника, который, когда всех спрашивали, кто ваши родители, покраснел и сказал: «Мой папа – дворник».

Они враждовали с завучем. Нельзя было понять, откуда это пошло, но он был их врагом. Это было ясно всем. Замыкание делали назло ему, и Ригин, как и все, радовался, когда их делали. Сам бы он сделать замыкание не решился, но он не отел выдавать того, кто это сделал.

«Он заставит сказать меня «честное слово», – подумал Ригин. – Заставит. А если попроситься в уборную, он догадается и не отпустит».

Он поднял глаза. На потолке, в кружках лепнины, висели парами на штангах шесть ламп в стеклянных плафонах. Потолок показался Ригину очень высоким. Завуч шел по рядам дальше.

В это время зажегся свет, шесть сильных ламп одновременно, и почти сразу же прозвенел звонок на перемену. Все зажмурились, зашевелились, стали оглядываться. Завуч расставил руки, как будто хотел кого-то поймать, сразу опустил их и, топя сапогами по грязному паркету, пошел к двери.

Он решил попозже вызвать кое-кого к себе в кабинет. Он уже знал, кто для этого больше подходит. В кабинете у завуча стоял прислоненный лицом к стене портрет только что снятого Хрущева.

Теперь они должны были снова сделать замыкание. Они должны были.

Ригин почувствовал, что у него сильно устали ноги. «Они сделают, и он снова будет спрашивать», – подумал он.

Кувшинов побежал к двери и высунул голову в коридор. «Его поблизости нет», – сказал он и снова высунул голову. Степанюк достал согнутую проволоку. Ее зажимали между ластиков и совали в розетку.

– Давай, – Папирный повернулся к Степанюку.

– Ты давай, – Степанюк протянул ему рогульку.

– Не все равно? – Спросил Папирный.

Проволока осталась у Степанюка.

– Сколько я буду стоять? – Крикнул Кувшинов. – Давайте быстрее. Сейчас он придет.

Он снова высунул голову в дверь.

Ригин почувствовал, что радуется тому, как взбесится завуч. Пол у него под ногами дрожал.

– Подождите, – крикнул он. Я выйду и не буду знать, кто это сделал. Тогда я дам ему «честное слово», что не знаю. И честно не буду знать.

– Быстро, – крикнул Кувшинов.

Ригин выскочил в узкий коридор. Сердце у него стучало. Он отошел от двери и прислонился к стене. Лампочка в коридоре висела на такой же металлической штанге, как в классе, но была не такой яркой.

Странно я сделал, – подумал Ригин, – наверное, теперь я всегда буду так делать.

Виктория Регия

Летел немыслимый снег, как лепестки пионов, и таял на плечиках черных пальто. Две рослые барышни фортепьянного класса профессора Нейгауза спускались к консерватории по Большой Никитской, и отзывалась в ответ шагам мостовая, тянулись навстречу теплые желтые окна, вспыхивала вслед мужская папироска, улица расходилась кругами, и, как соло в оркестре, слышался серьезный разговор Веры Петровны и ее подруги, разговор, в котором была радость, быстрая насмешка и обещание какого-то невозможного огромного счастья – самой себе и еще кому-то, пока неизвестно. Казалось, что жизнь идет как будто в галерее, где была еще и еще одна комната, еще много, и в каждой что-то другое, особенное, и хотелось поскорее идти дальше, пока волшебная власть – музыка не прикажет: останься здесь.

Но потом все изменилось, сдвинулось, затрещало, сами поехали под ногами дороги, а ноги остались на месте, как будто онемели. Она торопилась закончить консерваторию, но прежняя жизнь тонула, все вокруг утрачивало музыкальность, теряло знакомую гармонию и приобретало серый угрожающий звук, как будто рядом срывали со стен старые трещащие обои. Звук приближался со всех сторон, и оставалось только прислушиваться и ждать.

Отца Веры Петровны, экономиста, профессора, арестовали ночью. Чужой человек в форме ходил везде, по всем комнатам, без разрешения, как по своим. Вера Петровна забилась в угол и старалась на него не смотреть, но не могла и все время слышала скрипящую мелодию. С тех пор, когда Вера Петровна видела человека в форме, ей хотелось убежать от него и спрятаться, и на улице она не всегда могла сдержаться и вдруг бросалась бежать от милиционера.

После ареста отца Веру Петровну, ее мать и младшего брата Володю выслали в маленький город на Волге. И когда они по накатанному снегу подъехали к черному деревянному дому, в котором должны были теперь жить, Вера Петровна даже засмеялась, таким невозможно быстрым был переход от прежней жизни к той, которая теперь наступила.

В этой новой жизни все было таким некрасивым, грубым, простым и жестоким, что у них не было сил ни на что, и они даже не стали распаковывать вещи, а просто доставали иногда из узлов то, что было нужно. Здесь всем приходилось добиваться с трудом одного и того же, таких простых и обычных вещей, что было до слез обидно и непонятно, кто мог устроить для людей такую невозможную жизнь и как они могли на это согласиться. Вере Петровне казалось, что здесь всех каким-то путем обманули и заставили изо всех сил хотеть не того, что на самом деле хотелось. Но люди привыкли к тому, что так надо, и не прощали тем, кто не хотел того, что хотели они. И музыкой этой жизни были одни только глухие удары, как будто катились друг за другом тяжелые замерзшие бревна, сталкиваясь и ударяясь одно об другое.

Вера Петровна устроилась работать музыкальным работникам в клубе. Ей приходилось играть глупый аккомпанемент к песенкам и злобные марши, и было все время мучительно стыдно того, что она делала, и того, что она не живет настоящей жизнью. Она улыбалась и говорила невпопад, знала это и чувствовала, что не может этого побороть. Но скоро Вера Петровна нашла выход. Она стала приходить в клуб утром, когда, кроме сторожа, там еще никого не было, и по три часа играла на фортепьяно Шопена и, самое главное, этюды для беглости пальцев, чтобы не потерять форму, а потом плакала и вспоминала свой рояль, который пропал в Москве.

Однажды, когда она так утром играла, вошла плотная, широкобедрая заведующая клубом и стала на нее смотреть. Вера Петровна испугалась и встала. Но заведующая сказала, что ничего, пускай она играет, и надо бы подумать о том, чтобы открыть музыкальную школу. Она стала по-доброму разговаривать с Верой Петровной и пить с ней чай. И за чаем как-то сказал, что у Веры Петровны фигура хорошая, рослая, у них таких нет, и это в ее пользу. Потом она пришла к ним дом, взглянула на комнату, где часть вещей так и лежала в узлах, как их при-

везли, и сказала маме Веры Петровны, что годы идут, и она желает Вере Петровне добра, хотя, конечно, они и ссыльные. Вера Петровна радовалась и думала о музыкальной школе. А заведующая рассказывала о своем брате, тоже заведующем, сколько он получает, как любит, чтобы на обед обязательно было первое, и что он хочет прийти к Вере Петровне познакомиться, поговорить о музыкальной школе. Вера Петровна сказала, что ж, пусть приходит, что ж тут такого. Заведующая скоро ушла, а Вера Петровна подумала, что впервые в этом городе у нее был с кем-то человеческий разговор, и, может быть, будет радость.

На следующий день мама Веры Петровны стала смотреть на нее внимательно и грустно, и Вера Петровна не могла понять, почему. А вечером к ним постучали. И мама вошла и сказала, что к ним гость, и добавила, не глядя на Веру Петровну, что, может быть, он хороший человек. Вера Петровна вдруг заволновалась и стала смотреть на дверь. Она услышала скрипящую угрожающую музыку, дверь открылась, и вошел маленький человек с круглой головой, короткой шеей, с широкими круглыми плечами, в гимнастерке и блестящих сапогах. Он улыбнулся и протянул Вере Петровне завернутый в газету большой букет. И это было настолько невозможно, настолько насильственно и музыкально несовместимо, что резануло по глазам. И Вера Петровна взмахнула руками, заметалась, натолкнулась боком на стол и выбежала.

А утром, когда Вера Петровна играла в клубе этюды, заведующая с такой силой захлопнула крышку пианино, что чуть не отбила ей пальцы. «Инструмент стоит для рабочих и крестьян, – сказала она, – а не для врагов, которые считают себя выше всех. Одной ссылки для таких еще мало».

Играть в клубе для себя Вера Петровна больше не могла.

Сначала Вера Петровна как будто оглохла. Она ни на что не надеялась и ничего не хотела. Но потом она попробовала дома играть на столе, нарисовав на нем клавиши. Оказалось, что так получается вполне хорошо, особенно вещи на технику – этюды для беглости пальцев, которые она знала по слуху наизусть. И Вера Петровна стала играть на столе каждый день. На работе заведующая травила ее, унижала, не отмечала отработанные часы, но она не огорчалась, не спорила и не обижалась. Музыка внешней жизни перестала ее касаться, и она выдерживала ее без боли, если каждый день играла на столе три часа. Только жалко было Володю, которому когда-то прочили университет, он должен был пойти по стопам отца, а пошел учиться на местные курсы бухгалтеров и счетоводов. На курсах он научился курить и нарочно курил дома, глядя на мать и сестру обиженными глазами за то, что они не могли ему помочь.

Незадолго до войны у Веры Петровны начались боли в желудке, и знакомый врач, тоже из ссыльных, оформил ей инвалидность.

Через восемь лет после войны их реабилитировали и разрешили вернуться в Москву.

В первый же день Вера Петровна надела старое черное пальто и ботинки и пошла на Большую Никитскую. Все дома были те же самые, и консерватория была на прежнем месте.

Им дали комнату в коммунальной квартире, в доме, где выделили площадь для реабилитированных и инвалидов войны. И сотрудник тайной полиции специально следил при заселении, чтобы в одной квартире не были поселены жильцы из близких социальных групп или сидевших по одной статье, чтобы дом не стал базой оппозиции. Поэтому в одной трехкомнатной квартире оказалась семья Веры Петровны, инженер-еврей, коммунист, отсидевший десять лет на Воркуте, и инвалид войны, женившийся на женщине из мордовской деревни и выходявший на кухню в голубой майке поговорить по душам. Поневоле оказавшись вместе, эти люди должны были смешаться, подавить друг в друге все определенное и превратиться в удобный однородный материал.

Инженер нашел работу и стал жить так, как будто то, что у него отняли двадцать лет, было простым недоразумением и он сам просит о нем больше не вспоминать. Инвалид шумел, пил, плакал, задирает майку, показывая шрамы, искал то ссоры, то жалости и бесконечно ходил

по одному и тому же кругу. Его жена надевала белую косынку, мыла пол, потом ворчала и думала, что еще можно получить в чистой московской жизни.

Складывалась новая жизнь. Она требовала, чтобы каждый занял место в оркестре. Нужно было как-то устраиваться. Но Вера Петровна слышала в новом оркестре прежний угрожающий звук. Он пропитывал все и задавал все партии. Он не уходил из жизни и по-прежнему стремился подавить и уничтожить. Казалось, что он исходит от стен и пола всюду, где помногу бывали люди. В любом учреждении, куда бы она ни пришла, он настойчиво лез ей в уши.

И она не стала никуда устраиваться, хотя легко могла бы найти себе работу учителя музыки или концертмейстера.

Вера Петровна никогда до этого не жила в коммунальной квартире, даже в ссылке. И это ежедневное вторжение чужих людей глубоко в жизнь друг друга было невозможным. Все знали друг о друге все. В коридоре был слышен каждый громкий звук, жена инвалида знала, какие у Веры Петровны заштопанные чулки и как пахнет суп из головизны, который был у них на обед. Вера Петровна слышала, как за стеной у соседей работает телевизор. Выходя из уборной, даже не успев до конца прикрыть дверь, Вера Петровна сталкивалась лицом к лицу с инженером, взмахивала руками, запахивала халатик, на котором не хватало пуговиц, и убегала. Приходилось по очереди мыть полы, и это было мучением, потому что у Веры Петровны каждый раз это получалось плохо. Жене инвалида нравилось травить ее, упрекать, что плохо вымыт пол, плита, говорить, что у нее к таким годам ничего нет. Жена инженера за нее заступалась. Вера Петровна не спорила, не защищалась и не обижалась. Она научилась жить в невозможном и знала, что главное – ему не отвечать. Каждый день она играла по три часа этюды для беглости пальцев, только теперь не на столе, а на фортепьяно. Вера Петровна нашла его на свалке. Доска у него лопнула, а войлок с молоточков сбился. Фортепьяно давало противный дребезжащий звук, но, поскольку у него были педали и клавиши, играть на нем было, конечно, лучше, чем на столе. Эта музыка была ужасной, и никто в квартире не верил, что Вера Петровна – настоящий музыкант и когда-то закончила консерваторию. Ее считали неопрятной старой чудачкой, и она сама думала, что, наверное, они действительно не такие люди, как другие, но раз это было так, то незачем было это и менять.

Они жили втроем на Володину зарплату и одну маленькую пенсию по инвалидности, и денег не хватало, чтобы свести концы с концами. Вера Петровна каждый раз ждала Володиной полочки, но когда они делили на столе деньги на хозяйство, их получалось так мало, что почти ничего нового купить было нельзя, хотя все уже порвалось и обносилось. В ссылке они устраивали свою жизнь без постороннего глаза. Теперь их нищета была у всех на виду. Но Вера Петровна ничего не старалась скрыть.

Все было известно, и ничего не нужно было прятать ни от других, ни от самой себя. Она легко привыкла к тому, что мама стала маленькой сморщенной старушкой, потому что у мамы сохранился житейский здравый смысл, но к тому, что старый потертый бухгалтер, ходивший покурить на лестничную клетку, – ее младший брат Володя, она привыкнуть не могла. И когда Володя серьезным голосом рассказывал о своих начальниках и сослуживцах или о новостях, прочитанных в газете, ей казалось, что он притворяется и не может всерьез считать, что это и есть его жизнь. Но больше у него ничего не было. Ей становилось стыдно, и она отводила глаза.

Свою комнату они разгородили шкафами, чтобы у каждого был свой угол, а вскоре разделили и хозяйство, так что каждый готовил себе сам, что хотел и когда хотел.

Походка у Веры Петровны была легкая, невесомая, такая, что, когда она шла вперед, казалось, что она отступает назад. В коридоре она беспокоилась о том, чтобы всем уступить дорогу, суетливо металась из стороны в сторону за много шагов до встречи. Но когда она надевала старое черное пальто и выходила гулять, шаг у нее становился широким, а на лице появлялась беглая улыбка, которая шла к ее высокому росту и густым седым волосам. Она подолгу

гуляла по улицам, а если становилось холодно, то можно было зайти в какой-нибудь магазин и иногда даже что-нибудь маленькое купить.

Весь сезон Вера Петровна ходила в консерваторию на фортепьянные концерты, на самые дешевенькие места, и ее иногда даже пропускали бесплатно знакомые билетерши.

Она общалась со своей подругой по фортепьянному классу, но они никогда не ходили друг к другу в гости, потому что у той тоже было все только невозможное, и незачем было ходить туда, где нечем поделиться.

В марте Вера Петровна начинала улыбаться, как будто у нее была тайна. Это начиналось почти незаметно, но она что-то слышала и ждала, когда звук станет сильнее. Тогда она звонила старой подруге и оживленным, радостным голосом, так, что сосед-инженер от неожиданности оборачивался и вдруг замечал, что у нее красивая прямая спина, говорила:

– Ну, как обычно. Я все организую.

Потом она звонила в маленький ботанический сад и спрашивала:

– Скажите пожалуйста, Виктория Регия еще не расцвела? Ей отвечали. Она вешала трубку и перезванивала подруге:

– Все готово. Можем идти.

И они отправлялись в ботанический сад, где в стеклянной оранжерее рядом с высокой мохнатой пальмой, над которой специально была поднята крыша, смотрели, как плавает в темной воде Виктория Регия – тропическая кувшинка с круглым зеленым листом и огромным белым цветком, который цветет только один день, а потом закрывается навсегда.

Сулема

Полдня мы искали, и не могли снять квартиру. Все было сдано отдыхающим. По деревне ходили московские бабушки с внуками, которые аккуратно несли ещё непросохшие этюды акварелью. Стоял конец августа. Одни хозяева посылали нас к другим. Мы устали, и в какие-то дома уже зашли по два раза. Казалось, деревня нас запомнила. Сдавать никто не хотел.

На улице показался маленький деревенский дед. За двадцать метров он начал улыбаться и подмигивать, а потом пошел осторожно и плавно, как будто хотел нас поймать и боялся спугнуть. Он подошел вплотную, наклонился и сияя сказал:

– Израил и Пинечот не любят Советскую власть. А она самая лучшая!

И быстро прошел дальше.

Лёнька длинно и мрачно засмеялся. – Нет, ну это же надо, а?

– Я думал, он хочет квартиру сдать, – сказал я.

Женька, Лёнькин младший брат, художник, подвигал кадыком и глазами. Он очень устал. Рано утром мы выехали из Москвы.

– Ладно, пошли дальше. Надо еще спрашивать, скоро семь часов, – сказал Лёнька.

Мне малодушно захотелось развернуться и уехать. У нас были тяжелые рюкзаки, а Женька тащил еще этюдник и связку подрамников.

– Давай вот тут спросим, – предложил я.

– Наташка! – Закричал Лёнька.

Навстречу, улыбаясь, шла какая-то его московская знакомая.

– Вы отдыхаете тут?

– А вы что делаете?

– Да вот, квартиру ищем.

– Сейчас я вас устрою. Снимите нашу. Мы сегодня уезжаем. Пошли.

– Кукла ты наша, Кукла, – сказала Наташка дворняжке у входа в дом. Та поднялась и завилыла хвостом.

Всех, кто приезжает отдыхать и снимает квартиры в Ферапонтово называют художниками: «У нас прошлым летом жили три художника из Ленинграда, сам – инженер, жена – учительница и дочка в пятом классе».

Хозяйка, старушка лет шестидесяти пяти с легким телом и светлыми глазами, в старой чистой одежде застиранного серого цвета, обрадовалась и повела нас на террасу, которую сдавала. Терраса была построена из симпатичных желтых досок. На окнах с мелкими стеклами висели тонкие занавески. Сквозь них светило розовое вечернее солнце. Пахло небогато и чисто, мытыми досками и сухарями. Рядом было озеро. Наташка с мужем и дочкой уезжала. Они уже собрались.

– А вы на сколько? – Спросила хозяйка.

– На две недельки.

– Ну и хорошо.

– Вот Наташка с мужем, – сказал Лёнька, как только мы наконец присели, – они живут, погрузились в быт, решают все время какие-то проблемы, как будто больше вообще ничего нет.

Я понимал, о чем он говорит. Мы оба закончили технический ВУЗ, и не знали, как жить дальше и как относиться к миру. В последнее время мы стали друг друга раздражать.

– Надо завтра в магазин сходить, – сказал Лёнька. – Тут, представляешь, магазин только летом. Зимой сами хлеб пекут.

Хозяйка пригласила нас для знакомства выпить чаю. Мы достали сыр, баранки и пошли. За деревянным столом без скатерти сидел знакомый маленький дед. Похоже, он делал вид, что нас не узнал. Мы напряглись. Женька молчал. Лёнька еле проронил два слова. Я старался

поддерживать беседу. Дед говорил приятным быстрым говорком и рассказывал, сколько в этом году в озере раков. Вдруг на лице у него снова появилась хитрая торжествующая улыбка. Глаза заблестели.

– Гитлер хотел надеть на шею ярмо, – сказал он без всякой связи с предыдущим, улыбаясь, как будто выскочил из-за угла. – А лопнул, как мыльный пузырь!

В остальном он вёл себя как нормальный человек. Вёл хозяйство, угощал нас жидкой ухой из окуней, не отказывал в мелких просьбах, но когда находил бес, неожиданно подходил и повторял отточенные газетные формулы:

– Раньше жили бедно, радио не было, электричества не было. А теперь всюду лампочка Ильича! Вопросы есть? Никаких вопросов нет!

Я пытался добраться до истины и спрашивал:

– А у вас до коллективизации было сколько коров?

– Три, – говорил он, – и еще овцы. Но тут же дергался и снова повторял про лампочку Ильича.

– Зачем он тебе нужен? – Кривясь, говорил Лёнька. – Ходит себе такой, и пусть ходит.

Хозяйка была совсем другим человеком. Рано утром, стоя на крыльце и глядя на рассеянный северный свет, который шел со всех сторон, она говорила умиленно: «Солнышко так радуется, так радуется». Втайне она была религиозной, хотя иконы дома не держала. Видно, боялась. Дед часто называл ее отсталой. Общаться с Лёнькой стало трудно, и мне нравилось разговаривать с хозяйкой. Она говорила кратко, но точно, с красивыми северными «баушка», «одевалье», «подушенка». У нас установилось взаимопонимание.

К концу недели пошел дождь. На деревянной террасе стало душно, сыро и тесно. Лёнька лежал с книжкой Томаса Манна на раскладушке. Разговаривать не хотелось. Из разговоров получалось одна и та же ссора. Женька слазил на чердак, попробовал писать этюды через слуховое окно, но скоро вернулся. Я надел сапоги и пошел гулять. Женька собрался со мной.

Когда мы дошли до соседней деревни, дождь перестал, и на небе появились мутные белые пятна.

На дороге лежала стая деревенских собак. Среди них выделялся породистый рыжий колли. Когда мы подошли, он поднялся и побежал за нами. Мы прошли всю деревню и двинулись дальше. Я бросил палку, и пёс её радостно принёс. Он играл, прыгал и весело бегал вокруг. Потом он стал хватать зубами за рукав то меня, то Женьку, как будто хотел идти за руку. Собака всеми способами давала понять, что хочет остаться с нами.

– Интересно, откуда он тут? – Спросил я. – Надо бы с его хозяином поговорить.

– Может в Москву его взять? – Сказал Женька.

– Ты возьмешь?

– Куда?

Мы ушли далеко и возвращались долго. Пёс бежал с нами.

Когда мы вернулись в соседнюю деревню, из дома выскочил человек и закричал. Пёс прижался к земле. Тот схватил его за загривок, поднял и бросил в дом.

– Теперь он его будет бить, – сказал Женька.

Получалось, что я предал собаку.

Дома я рассказал это все хозяйке.

– Здесь художник был из Москвы. Это его собака. Он с одной местной женщиной сошелся и жил у нее год. А потом ее бросил, уехал в Москву и собаку здесь оставил. Теперь собака всех москвичей просит, чтобы ее обратно в Москву забрали. А женщина за местного замуж вышла. Он собаку ко всем ревнует и бьет. Жалко. Ну так уж вышло. Ты же не знал. Понимала она меня с полуслова.

– Ты, Виктор, сформирован семьей, и сам не можешь сделать ни шагу, – нервничая, но стараясь держать поучительный тон гуру, говорил Лёнька. – Со стороны это сразу видно. Ты никуда не можешь отойти от того, что в тебя вложили. Пора задуматься. У тебя уже возраст.

– Ну, а ты-то что? Сам ты что?

– Я по крайней мере о себе кое-что знаю. Я, например, знаю, что так называемой реальности не существует, и мы ее творим сами.

– Ну ладно, это ты прочитал. И дальше что? Дальше что? Что ты можешь сделать?

Пришло время уезжать. Мы собирали рюкзаки. Хозяйка вошла на терраску и молча встала у двери. Руки висели вдоль чистого серого передника.

– Ребята, – сказала она, – я думала вы люди такие хорошие, а вы хотели нас сулемой отравить.

– Какой сулемой?

– Да вот вы на чердак-то все лазали. А у нас там мука в мешке на зиму стоит. Вы ее сулемой и полили. Вас в институтах научили.

– Да что вы!

– Зачем вы, ребята? Мы уже с дедом старые. Скоро сами умрем.

– Женька, ты разбавитель там не проливал?

– Нет, ну что ты.

– Зачем же вы так, ребята?

– Где мука? – Спросил я.

Она вышла и втащила в дверь полмешка муки. Я впервые видел ее так много. На вид было ничего не понятно. Я взял со стола алюминиевую ложку, зачерпнул пол ложки муки и положил в рот. Хозяйка сразу повернулась и вышла.

Вошел дед и сел на стул. Он заговорил своими стандартными фразами, голосом председателя собрания:

– Я считаю ее поведение неправильным.

– Зачем было эту дрянь есть? – Сказал в автобусе Лёнька. – Что ты кому доказал? А если б там что-нибудь было?

Женька прижимал к себе связку этюдов.

Библиотека

Старуха участвовала в молодости в движении толстовцев. Дряхлость не совсем уничтожила жившую в ней волну мягкого веселья и решительности. Ее голова оставалась девичьей и круглой, несмотря на неопрятную мятую седину. Тело прятала несуразная мышьяная кофта. Голубые глаза сохранили цвет и блестели. Еще до революции она уехала с секретарем Толстого Чертковым в Англию, где он рассчитывал создать всемирный центр их движения. Там она вышла замуж за эмигранта социал-демократа, учившегося в Кембридже. После революции он работал в советском торгпредстве, а потом в посольстве, отвечая за связи с английской интеллигенцией. В его огромной библиотеке были книги на четырех языках. В тридцатые годы он переводил на английский язык стенограммы показательных процессов над Зиновьевым и Бухариным. Перед войной ему приказали вернуться в Россию.

Она плотно закрыла дверь в комнату.

– Соседям о наших делах знать не нужно. Здесь в квартире есть некая Наташа, которая хочет знать больше, чем ей полагается, и пытается мне указывать. А я всегда любила делать то, что сама захочу. Я уже вижу, что вы мне подходите. Мне важно, чтобы они попали в хорошие руки.

Ее крепкий молодой голос барышни не из робкого десятка странно звучал в затхлой квадратной комнате коммуналки, где в воздухе плавала пыль, а под покрывало на кровати были засунуты поношенные старые тряпки.

– Я не стану с вами торговаться. Вы же студенты. Я не хочу никаких других покупателей. Цена будет, какой вы скажете.

Мы пришли втроем, чтобы купить книги. Один терял голову от книг, от имен и названий, напечатанных на переплетах. Сотни запомненных им при разных обстоятельствах книг давали ему чувство причастности к чему-то более существенному и заманчивому, чем обычная жизнь, с которой у него был до поры до времени заключен неустойчивый компромисс. Второй, требовательный, порывистый, резкий и глубокий, искал и не находил в тоскливых семидесятых, чему отдать свои силы. Он был готов увлечься любым делом, которым занялись его друзья, или просто какие-то неожиданно встреченные люди. Третий был талантливым самоучкой. Не поступая ни в какие учебные заведения после школы, он стал хорошим программистом, умел реставрировать старинные рукописи и тонко играл джаз на фортепиано. Он рано женился, завел двоих детей, и вынужден был всеми возможными способами зарабатывать деньги. Единственный из нас, он имел опыт в спекуляции.

– Я решила их отдать. Все равно они мне больше не нужны. Скоро мне вообще ничего не понадобится. Только копят здесь пыль, так что нечем дышать. Заберите их, и все.

Ее пальцы плохо разгибались и уходили в рукава. Тело как будто исчезало под вытертой кофтой и халатом. Лоб оставался гладким, молодым и крутым.

Книги, привезенные из Англии, заполняли комнату до потолка. На глаз их было тысячи три. Втроем можно было сегодня же связать их в пачки, погрузить в машину, расплатиться и попрощаться с ней навсегда. Навсегда в том смысле, в котором что-то исчезает.

Один из нас почувствовал, как действует на него ее волна, резкое сочетание молодости и дряхлости, веселья и близкой смерти, значительности и чуждости миру, который был вокруг. Он искал способ сделать так, чтобы сегодняшний день не стал последним днем, когда он ее видит.

– Нужно просмотреть книги и составить список, – сказал он.

Такая работа требовала времени.

– Прекрасно, – сказала она.

Это означало, что они будут встречаться еще три дня.

Мы снимали с полок и переписывали книги, среди которых они с мужем прожили, спрятавшись, двадцать лет, делая все, чтобы о них забыли. Им это удалось. Муж избежал репрессий и умер пятнадцать лет назад. Это была коллекция английской литературы девятнадцатого и начала двадцатого века. Здесь были романы забытого Бульвер-Литтона и книги поэтов озерной школы, полные собрания сочинений Байрона, Шелли и Китса в однотомных изданиях, «Старый моряк» Кольриджа, Диккенс, Вальтер Скотт, Теккерей, эссе Маколея, роман, написанный в молодости Дизраэли, и детектив, сочиненный для развлечения Черчиллем. Мы покупали книги авторов, владевших умами девятнадцатого века, книги Карлейля, эстета-социалиста Рескина, теоретика модерна Уильяма Морриса, книги феминисток, фабианцев, прерафаэлитов, Спенсера, опасные книжки Оскара Уайльда и трехтомный «Закат и упадок Римской империи» Гиббона в роскошных переплетах в стиле «арт нуво». Мы заносили в список и связывали в пачки полный соблазнительных идеалов и призраков прошлый век. Это был век, когда книги казались чем-то невероятно важным, а писатели – главными и лучшими людьми. В это век стало обязательным держать много книг в доме, а молодые люди начали стремиться к карьере писателя. Этот век был обманут своими писателями – романтиками, суфражистками, социалистами и эстетами. На французском и немецком языках мы нашли здесь классиков, на русском – только стенограммы процессов над врагами народа, которые были тут и на английском в переводах ее мужа.

Он снимал с полки книгу и вслух читал имя автора и заглавие. Она, сидя на кровати, покрытой мятым покрывалом, рассказывала о ней, как о последней литературной новинке. Она говорила о том, как была принята книга, кто имел успех, а кто – нет, кто исписался, кто стал наркоманом и кто была чья любовница. Как свежую новость она рассказывала, как Жорж Санд пригласила к себе Шопена, и изменила ему сего же врачом. Но – «Жорж Санд была писательница, и ей нужны были новые впечатления.» Она помнила адреса книжных магазинов, имена хозяек салонов и залы для публичных лекций. Она анализировала связи между философскими школами и литературными направлениями. Ее голубые глаза блестели. Он слушал, а потом доставал с полки новую книгу. О каждой следующей книге она говорила все больше и больше. Его друзья отошли на второй план, лишь изредка подавая реплики и радуясь приобретенному призрачному богатству.

К концу третьего дня мы увязали в пачки все книги. По списку их было три тысячи. Мы заплатили ей три тысячи рублей, что было для нас тогда немалыми деньгами, и погрузили книги в крытый грузовик. Она проводила нас до входной двери и каждому пожала руку, улыбаясь.

Он подал руку последним. Они были из разного времени. Слой времени разделял их, и три дня, проведенные вместе, были даже больше того, что они могли получить. И он, и она это знали, но чувствовали, что это уже не в их власти, и должно случиться что-то еще.

Мы отвезли книги в дом к нашему другу на Молчановку, и там сначала разделили их на более и менее интересные. И те, и другие мы поделили между собой по жребию. Каждый взял свою часть, и библиотека перестала существовать.

Прошло два дня, и нам позвонила ее дальняя родственница. Хозяйка книг требовала, чтобы мы немедленно пришли и угрожала вызвать милицию.

Нам открыла женщина лет пятидесяти, наверное, та самая Наташа, и молча провела по коридору.

– А, это вы.

Она сидела, положив руки на стол. Гладкий лоб побелел.

– Как вы посмели обмануть меня? Как вы могли позволить себе не отдать мне деньги, мне, человеку, который всегда предоставлял свои книги студентам! Отвечайте, как вы могли это сделать?

В комнате не было ничего, кроме стола, пыли и каких-то бумажек на полу.

– Мы отдали вам деньги. Три тысячи.

– Нет, вы мне ничего не давали.

– Но вспомните...

– Нет, я от вас ничего не получала.

– Вспомните, мы вам сразу их отдали!

– Нет, я не могла об этом забыть! Я еще не так дряхла, как вы рассчитывали! Украсть у меня перед смертью деньги – такого поступка я не видела за всю мою жизнь!

Мы не могли ей ничего доказать.

Один из нас молчал, не пытался ничего понять, и думал только о том, чтобы все это закончилось без неприятных последствий. Второй волновался, и снова и снова старался ее убедить, что он не виноват, зная, что убедить невозможно, потому что это способ получить еще один, четвертый день, вопреки самой себе, всем правилам, времени и обстоятельствам. Чем больше он говорил, тем яснее становилось ее лицо.

Третий в конце концов не выдержал обвинений в воровстве.

– Да поищите же вы эти деньги! Они ж у вас где-нибудь тут! В каком-нибудь старом чулке!

Она схватилась рукой за сердце, бившееся где-то под кофтой.

– Уходите! Вы убьете меня. Мне плохо! Скорую! Наташа!

Мы ушли.

Один из нас теперь занимается страхованием и продажей недвижимости на Брайтон-Бич. Второй уехал в святую землю и занят там вполне мистическим делом – поисками нефти. Третий работает преподавателем в московском Вузе. Жена и дочь бросили его и уехали в Лондон.

Протоколы контакта

Прадедушка Зухры возглавлял клан, враждовавший с Кокандским ханом. Во время похода Скобелева в Среднюю Азию прадедушка перешел на сторону русских. Дедушка принял православие, получил дворянство, дослужился до полковника и погиб в Первую мировую войну. Отец Зухры был во время Великой Отечественной войны офицером. После войны он расстался с первой женой, женился на девушке из родных мест и увез ее в Москву. Мама Зухры была на тридцать лет младше мужа. Папа ревновал ее, не разрешал работать и не отпускал одну даже в булочную.

Древняя кровь проявилась в экзотической внешности. Зухра была маленькая, черноволосая, с очень темной кожей желтоватого оттенка, худая и быстрая как мальчик. Все это дополняли тяжелые губы таитянки Гогена, полукруглые густые брови и глаза с китайским разрезом, которые иногда испуганно раскрывались как черные бабочки.

От предков Зухра унаследовала глубочайшее уважение к мужчине. Порядки отцовского дома укрепили в ней веру в то, что мужчины – хозяева жизни. Она совершенно не умела заводить романы. При этом Зухра была общительной московской девушкой, легко училась в школе, проявила способности к математике и поступила на мужской компьютерный факультет. Студенческая жизнь состояла из учебы и потока вечеринок, которые начались с первой недели и продолжались все пять лет. Собственно говоря, они были обязательны. Ни у кого на факультете не было сил их пропускать. Выпивка, танцы, шутки, и романы хорошо заполняли головы и служили удобным полем для безопасного выплеска энергии. Зухра танцевала и веселилась от души, радуясь своей принадлежности к компании, но дальше этого дело не шло. Мужчины, как она про себя называла сокурсников, проявляли к ней лишь общекомпанийский интерес. В Москве она не считалась красивой. Брать инициативу на себя, кокетничать и пользоваться женскими приемами она не могла. После первых общих фраз Зухра начинала смотреть на молодого человека испуганно-почтительно, что совершенно не оставляло места для веселья и легкомыслия, нужных для завязки романа. В институте Зухра держалась в обществе четырех подруг. Их так и воспринимали впятером как некий монолит. Вместе их и распределили на работу. «Ну когда же мы будем рожать детей?» – недоуменно спрашивала Зухра у подруги, поднимая высокие брови. «Ничего, Зухрёнок, еще кого-нибудь найдем», – отвечала подруга. Впрочем, на службе Зухре было неплохо. Там существовал определенный твердо установленный порядок, в который Зухра с готовностью вошла. К своей профессии она относилась серьезно, любила ее и работала очень хорошо.

1978 год был объявлен ЮНЕСКО международным годом женщины Востока. Было решено, что в течение года все вакансии в штате этой организации будут преимущественно предоставляться женщинам из развивающихся стран, имеющим соответствующую специальность. В вычислительном центре при штаб-квартире в Женеве имела вакансия программиста. Глава советской делегации в ЮНЕСКО написал официальное письмо, в котором указал, что в интересах государства было бы крайне желательно направить на работу в Женеву высококвалифицированного программиста – женщину из республик Советской Средней Азии. Этим, во-первых, были бы наглядно продемонстрированы успехи Советского Союза в развитии среднеазиатских республик. Во-вторых, женщина-программист могла бы ясно показать достигнутое в СССР равноправие женщин. И, наконец, поскольку большая часть зарплаты советских специалистов в международных организациях поступала на счет государства, это могло бы значительно пополнить бюджет советской делегации при ЮНЕСКО. Возможно, что это могло бы также оказаться полезным с точки зрения расширения оперативной работы.

Отсутствие семьи было для советского специалиста за рубежом серьезным недостатком. Холостых обычно не выпускали. Однако другой кандидатуры из республик советской средней

Азии за столь краткий срок подобрать не удалось. Кроме того, при отсутствии семьи отпадала необходимость в предоставлении работы для мужа кандидатуры в советских организациях в Женеве, где и без того все места были заняты.

В действительности Зухре никуда не хотелось ехать, но ее никто и не спрашивал. Считалось, что ей невероятно повезло. Ее посылали работать в страну, которая была заветной мечтой всех мидовцев, внешторговцев, кагэбэшников и прочей немногочисленной выездной публики. Все остальные о таком даже и не мечтали. «Хорошая страна. Очень хорошая», в один голос говорили девушки в МИДе, готовившие ее документы. У них существовала своя классификация стран, по которой Швейцария считалась прекрасным местом, а Индия и Алжир – так себе. Зухра слушала и старалась радоваться вместе со всеми. Еду в очень хорошую страну, – говорила она подругам.

На швейцарскую зарплату Зухры можно было снять четырехкомнатную квартиру в Женеве, купить автомобиль, ездить отдыхать на Азорские острова, и вообще, делать что угодно, но девяносто процентов этой зарплаты полагалось добровольно отдавать государству, а половину оставшегося получать в рублях, которые государство обменивало по им самим установленному курсу. Государство присваивало также деньги, предназначавшиеся Зухре на зарубежные командировки, пенсию и медицинское страхование. О добровольном согласии на всё это Зухре предложил подписать заявление полковник КГБ Гусев, курировавший советских специалистов в Женеве.

– Такой порядок, Зухра Владимировна. Будем выполнять, – сказал полковник.

Полковник официально занимал должность интенданта дома советских специалистов, то есть управдома, и получал в пять раз меньше.

В доме советских специалистов Зухру поселили в комнате, похожей на аспирантское общежитие с туалетом и душем. Вечером на следующий день после приезда к ней постучала плотная румяная женщина с быстрыми карими глазами.

– Устраиваетесь? – Спросила женщина. – Меня Алла зовут. Черного хлеба привезли?

– Привезла, – улыбнулась Зухра, вставая с колен от чемодана, который она разбирала на полу. В МИДе девушки посоветовали ей обязательно взять с собой бородинский хлеб и селедку. Зухра поставила чайник, достала продукты, и они вместе поужинали. Алла была женой советника делегации, скучала и время от времени давала уроки домоводства в школе при посольстве. Назавтра она повела Зухру показывать, где что покупать. Ходила Алла неожиданно быстро, в магазинах торговалась, любила посмеяться и сказала Зухре: «Ну и парочка мы с тобой! Ты тощая, как щепка, а я зато женщина с мяском». Зухра улыбалась. Руки у Аллы были круглые с ямочками и маленькими остро заточенными ногтями. Они очень нравились Зухре и казались ей какими-то милыми и домашними.

Всю неделю Алла заходила к Зухре каждый день, то звала ее в город, то просто садилась поболтать. В конце недели Зухру пригласил к себе полковник Гусев.

– Зухра Владимировна, вы будете дружить с соседкой по блоку Аллой Тряскиной. Пожалуйста, после бесед заполняйте протоколы контакта. Он протянул Зухре отпечатанный типографским способом бланк. В нем были графы «С кем», «Содержание», «Отдельные высказывания», «Дата» и «Подпись». Зухра посмотрела на бланк, не понимая.

– А о чем тут писать?

– Раз в неделю приносите. Настроения, отдельные высказывания, факты. Такой порядок, Зухра Владимировна. Будем выполнять.

Полковник, породистый мужчина лет пятидесяти, совершенно подавлял Зухру представительной внешностью и отеческим тоном.

– Имейте в виду, Зухра Владимировна, Тряскина заполняет такие же протоколы на вас. Вечером зашла Алла. Зухра подняла на нее черные заплаканные глаза.

– Ну и что? – Сказала Алла.

Зухра молчала.

– Ясно. Гусев вызывал. Кровь портил. Черт бы его взял, дурака старого! Да тут все на всех пишут! Что ты расстраиваешься! У меня вот любовник, Игорь, консультант из Внешторга. Ну и пожалуйста! И Гусев знает. И ничего он ему не сделает. Игорь сам на него куда надо напишет!

Зухра промучилась всю неделю и пришла к Гусеву с пустым бланком. Полковник посмотрел на нее строгим взглядом.

– Ничего важного, – оправдывалась Зухра. – Ну совсем ничего!

– Это непорядок. В следующий раз я такого не приму. Будете заполнять здесь, при мне.

Зухра не могла сопротивляться напору уверенного в себе мужчины, державшегося как строгий отец. Она чувствовала, что не может обманывать, что ему все равно известна вся правда, и она ведет себя как непослушная дочь. В конце недели она написала в графе «С кем» – «Тряскина», а в графе «Отдельные высказывания – «Игорь». Слова «связь» или «любовник» она заставить себя написать не смогла. Краснея и глядя в пол, она отдала листок. Гусев прочитал его и убрал в стол.

Ночью Зухра не могла спать. Она пыталась успокоить себя, повторяя слова Аллы о том, что Гусев знает об их отношениях с Игорем и не может им ничего сделать.

На следующий день Алла опять предложила вместе съездить по магазинам. Зухра пошла, но заставить себя разговаривать не могла и молчала. Зато Алла говорила без умолку.

Постепенно Зухра привыкла к такой жизни. Временами у неё появлялась мысль, что это – нехорошо, но она быстро исчезала. Только иногда болели ноги. Она ужинала с Аллой и ездила с ней за покупками, в чём, как оказалось, и заключалась прелесть Швейцарии. В конце недели Зухра заполняла на Аллу бланки, но писала в них что-то незначительное. Гусев спокойно принимал их и прятал в стол.

Работать ей приходилось много. Её начальником в вычислительном центре был швейцарский немец по имени Томас.

– Вы очень устали? – Спросил он однажды. – Наверное, скучаете по дому?

Зухра не придавала этому значения.

– Может быть, вам взять отпуск? – Спросил Томас через день. Зухра подумала, что обязана рассказать Гусеву об этом разговоре.

– Заполните протокол, Зухра Владимировна, – сказал полковник, подавая ей бланк. – И постарайтесь косвенным образом узнать, почему он задаёт вам такие вопросы. Может быть, коллеги что-то знают? Это неспроста.

На следующий день Зухра пошла вместе с одной из швейцарских девушек выпить кофе и рассказала ей, что начальник заводит с ней разговор об отпуске.

– Может он не доволен тем, как я работаю? – Ненароком спросила она.

– С работой все в порядке, – сразу остановила швейцарская девушка. – Не знаю даже, как тебе сказать. Он считает, что у тебя депрессия. Ты все время ходишь в одном и том же, а у нас женщины обычно меняют кофточки каждый день. У тебя действительно что-то случилось?

Зухра покраснела. У нее был хороший вкус, и она ходила на работу в своем любимом сером костюме.

На следующий день, смущаясь и мучаясь, она рассказала об этом Гусеву.

– Ну купите себе кофточки, – сказал полковник. – Это же престиж страны!

– На что же мне их покупать? – Снова сильно покраснев, сказала Зухра. – Я же не могу потратить всю зарплату. У меня хватит денег на одну или две, но это смешно, и нужно еще всякое другое.

– Так. – Полковник задумался. – Заполните протокол, Зухра Владимировна. Постараемся вам помочь.

Гусев написал заявление о выделении дополнительных средств на оперативную работу. Будущий агент прошел проверку и сообщил направленно переданную ему важную и лич-

ностно-значимую информацию о близкой подруге. Легко поддавался эмоционально-волевому воздействию. При возникновении нештатной ситуации на работе по собственной инициативе обратился к оперативному руководству. К агенту проявлял интерес перспективный молодой начальник вычислительного центра Томас Шницер, последующие назначения которого могли быть весьма важными. Приобретение новой одежды укрепляло престиж страны и могло вызвать углубление личных контактов.

– Готовьтесь, Зухра Владимировна. В субботу поедem покупать кофточки, – сказал полковник через два дня.

Поездка с первой минуты стала кошмаром. Гусев пригласил в качестве консультанта по товарам и ценам Алкиного Игоря из Внешторга. Игорь, толстяк лет тридцати пяти, с широкими щеками, усами-перышками и наглыми брезгливыми глазами, сидел за рулем. С Гусевым он разговаривал сквозь зубы, демонстрируя отсутствие подчинения. Полковник, игнорируя его неприязнь, удобно устроился на хозяйском месте. Деньги он держал у себя и полученной суммы не называл. Зухра сжалась на заднем сиденье. Ноги стало сводить.

В первом магазине Зухра выбрала две симпатичные блузки, которые она давно присмотрела. Продавщица, вежливо улыбаясь, отнесла их в кабину для примерки. «Они вам очень идут, мадам», – сказала она. Переодевшись, Зухра вышла и встала перед полковником и Игорем. Внешторговец брезгливо отвернулся к окну. Полковник внимательно осмотрел Зухру и взглянул на ярлычок с ценой.

– Нет, Зухра Владимировна. Этого мы себе позволить не можем.

Под удивленными взглядами продавщицы Зухра пошла в кабину переодеваться.

– Отвезите нас куда-нибудь, Игорь Михайлович, где цены более приемлемы, – попросил полковник. Игорь скривился и резко нажал на газ. Машина поехала в зону дешевых универсамов.

– Только час там не возиться! – Сказал Игорь, взглянув на Зухру в зеркало.

– Вы в настоящий момент находитесь на работе, Игорь Михайлович, – сказал Гусев.

– Не надо злоупотреблять, – сквозь зубы сказал Игорь.

В магазин он не вошёл и остался стоять снаружи.

В первом универсаме Зухра пошла вдоль одного стеллажа, полковник двинулся вдоль другого. Зухре показалось, что на стеллаже совсем нечего выбрать. Все было пестрое, синтетическое и совсем не шло. Полковник на своём стеллаже выбрал четыре кофточки.

– По-моему, хорошо, – сказал он. – Вот посмотрите.

– Что вы, Виктор Иванович, – испуганно прошептала Зухра. – Это же неприлично. – У кофточек был очень глубокий вырез.

Полковник посмотрел и не стал настаивать.

В соседнем магазине со сниженными ценами Зухра увидела подходящий костюм, но полковник взглянул на ценник и отчётливо сказал «Нет».

– Что, еще куда-то?! – Сказал Игорь, встретив их возле машины.

– Мы с вами не в чистом поле, Игорь Михайлович, – ответил полковник, усаживаясь. – Не забывайте.

Ворча что-то неясное, Игорь повез их в магазин, где шла распродажа вещей второго сорта.

– Дешевше не бывает, – сказал он, припарковавшись. В зеркале Зухра увидела его презрительные суженные глаза.

В зале для распродаж, нервничая и суетясь, Зухра стала копаться в корзинках с блузками. В каждой следующей кофточке она выходила показаться Игорю и Гусеву. Все кофточки не подходили по размеру и сидели на ней нелепо. Ноги болели всё сильнее. После пятой примерки охранник подошел к ним поближе, а одна из продавщиц вошла в кабинку для переодевания. Не попадая пуговицами в петли под ее подозрительным взглядом, Зухра подумала, что отец

мог быть с ней строг, мог требовать от нее послушания, но никогда не стал бы позорить ее на людях, при чужих женщинах и любовнике Аллы, который ей все расскажет. Гусев не был ее отцом, он не был мужчиной. Мужчины не должны рыться в женских тряпках!

Полковник ждал ее в зале со следующей кофточкой в руках.

– Нет, – сказала Зухра. – Поедем в первый магазин. Я куплю все сама.

Гусев не стал спорить.

Зухра оставила в магазине все деньги, которые успела скопить, купила четыре блузки, два костюма, туфли и еще разные мелочи. Продавщица подарила ей флакончик духов от фирмы. «Вы правильно сделали, что вернулись, мадам. У вас прекрасный вкус», – сказала она.

На обратном пути Игорь не поднимал злых глаз от дороги. Полковник, уверенно положив на колени руки с длинными пальцами, сидел рядом с ним. Зухра на заднем сидении держала пакеты с покупками.

Денег до зарплаты пришлось занять у Аллы.

В новом костюме Зухра пришла в понедельник на работу.

– О, – сказал Томас, – вы хорошо отдохнули? Как прошел уикэнд?

Через день она надела брючный костюм с черно-белой блузкой навывпуск.

– Может быть вы согласитесь выпить со мной кофе после работы? – Спросил Томас.

Зухра заполнила протоколы контакта и отнесла Гусеву.

– Ну что же, примите приглашение, – сказал полковник. Его предположения оправдывались. – Сходите в кафе «Апропо». Это приятное место. Мы не должны дичиться коллег. Но после кафе больше никуда. На первый раз достаточно. И будьте внимательны.

Зухра и Томас сели на открытой террасе. У него были странные широко расставленные глаза, круглое лицо и небольшая бородка.

Зухра чувствовала, что за ними следят.

– Вы нервничаете? – спросил Томас.

– Нет, нет. Расскажите о вашей семье.

– О, я совсем один. Мой отец был пастор. Может быть, вам тут не нравится? Поедем пообедаем в хороший ресторан.

– Останемся здесь, – сказала Зухра.

– Извините. Я боюсь, что у меня не будет другого случая. Вы нервничаете. Я скажу все сразу. Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж. Я сейчас объясню. Мое детство прошло в Гамбурге, в квартале, где много проституток. У отца был там приход. Рядом с нами жила девочка с Востока, откуда-то из Египта. Она тоже была проститутка, и я видел, как ее ласкают взрослые мужчины. Я любил ее. Она дружила со мной, но говорила, что не может меня любить, потому что у меня нет денег. Она была как две капли воды похожа на вас. Я всегда искал такую женщину. Выходите за меня замуж, и пусть у нас будут дети.

Зухра вздрогнула. Она подумала о том, как она будет писать это на бланке и отдавать Гусеву. Она должна была предать мужчину, который нашел ее и хотел рожать с ней детей, ради бесполого манекена. Она знала, что сил у нее немного и нужно действовать сразу.

– За нами следят, – сказала она. – И возвращаться мне нельзя.

Они сели в машину, и поехали по направлению к дому советских специалистов. Светлая японская машина, не отставая, ехала за ними. На перекрестке Томас неожиданно повернул и дал газ на красный свет, чтобы привлечь внимание полицейских. Патрульная машина полиции показалась сразу. Полицейские остановили их. Светлая японка тоже встала у обочины, подождала, но вдруг развернулась и дала газ. Полицейские проводили их в участок. Там Томас написал заявление о том, что они собираются пожениться.

Ирландские предки

– Хочешь, я к тебе зайду? Ты в соседнем подъезде живешь, на втором этаже. Я давно тебя знаю. Ты не бойся, пойдем. Дед мой был знаменитым фотографом до революции, один из первых мастеров фотографии в России. Его снимки висели на выставках. Стивенс его фамилия. Я недавно ходила смотреть. Он был ирландец, прадед мой приехал в Россию из Ирландии. А отец был писателем. Он в журналах работал, и женился на матери моей, она же редактор была и коммунист большой, член райкома партии. Ну, перед войной их обоих и посадили. Отца расстреляли, мать в лагерь отправили, а меня – в интернат для детей врагов народа, был тогда такой интернат. Мне двенадцать лет было, когда это случилось, я тогда в балетной студии занималась. После войны, когда мне шестнадцать исполнилось, дали мне не паспорт, а справку. Сказали: езжай в любой город, кроме ста главных, иди в милицию и проси, чтобы тебя прописали. Там тебе выдадут паспорт. Денег дали на дорогу, одежду обновили, форму интернатскую. Ну, я стала думать, куда мне ехать. В Москву нельзя, а я нигде больше не была, других городов не знаю. И тётка у меня родная в Москве осталась, я ее помнила. А больше никого нет. Где мать – я не знаю, и есть ли она. К человеку же легче ехать, чем в пустоту. Ну, и поехала я в Москву. И доехала почти. Уже недалеко была, в электричке железнодорожная милиция задержала. Стали проверять документы и меня с моей справкой забрали. Ну, начальник отделения мне и говорит: я у тебя и справку отберу, и паспорта не дам. Или в тюрьму пойдешь, или у нас будешь работать. Я же еще совсем девчонка была, что я тогда понимала. Стала работать. Садилась в электрички, в поезда, знакомилась с ворами. Девчонка я была красивая, внешность, видишь, редкая, сами они ко мне и подходили. Брали меня в компанию, сходились, спали со мной, а я их выдавала. Паспорта мне так и не давали, чтобы я не убежала, и в тюрьму все-таки посадили. Правда, я недолго сидела, через год вышла и опять работать пошла. На другую железную дорогу. Начальники меня из рук в руки передавали. Так и жила, без паспорта, без прописки. В тридцать лет я уже больше работать не могла. Знакомиться ко мне подходить перестали. Вот когда мне только паспорт выдали! Я в областной пединститут пошла на географический факультет. Помогли мне туда поступить. Мать моя, истеричка чёртова, чуть живой из лагерей вернулась. Дали ей квартиру в Москве. Я потом к ней прописалась. Тоже мне в милиции помогли. И работу помогли в Москве найти. Я учительницей географии двадцать лет в школе отработала. Я в милиции могу о чем хочешь попросить! Ты, если что нужно, скажи. Я тебе помогу. Я вот тут в Ирландию съездила, на родину предков. По обмену послали меня от Московского собачьего клуба. Я ж у них заместитель председателя секции ирландских сеттеров. Это очень хорошие собаки, они очень хорошо к человеку относятся. И я тебе скажу, коммунисты были самая лучшая власть. При них и еда у всех была, и порядок был. А демократия эта – ерунда, извини за выражение, только для воров хорошо, а человеку она ничего не даёт. А, пришли. Ох, какая у тебя квартира удобная! И соседи мы с тобой из ближних подъездов. Слушай, это и для здоровья полезно! Если хочешь, давай с тобой жить.

Хочешь жить – живи

Первый сосед взял жену из Домодедово. Незадолго до этого он получил комнату в двухкомнатной коммуналке и московскую прописку, так что брак давал супруге преимущества, о которых он не уставал напоминать.

– Не, а мне не надо, – начинал он, загораживая жене узкий проход в девятиметровой комнате, заставленной шкафом с резьбой, круглым столом и железной кроватью с никелированными прутьями и пуховой периной, – хочешь жить – живи!

– Да что ты, Миш, все кричишь, кричишь, шел бы, право, лучше спать, завтра снова вставать, – с деланным смирением и даже как будто с зевком отвечала супруга, пятясь к кровати и отводя в сторону сверлящие круглые глаза.

Оба служили в военизированной охране и рано вышли на пенсию. От службы у него остались валенки, рукавицы с указательным пальцем для стрельбы и пропахшая горьким табаком черная шинель с зелеными петлицами. У нее была синяя женская гимнастерка с подворотничками и офицерский ремень с двумя рядами круглых дырок.

– У, тюремщица! – Наступал он – Мух!

Междометие говорило, как сильно нужно ее ударить.

– Ну, Миш, давай завтракать, – начинала она на утро семейным голосом и шипела в сторону. – Черт болотной, сука водяная! Чтоб те бог прибрал, враг!

Мне было тринадцать лет, и я всегда жил в коммуналках. Соседи казались мне обязательной частью квартиры. Если бы их не было, я б спросил: «А где же тут соседи?»

Выйдя ночью в трусах в туалет, я застал ее на кухне. Навалившись байковым халатом на покрытый липкой клеенкой кухонный стол, она хлюпала супом и стонала от наслаждения после каждой ложки: «Господи! Хорошо-то как! Одной поить!»

Сосед неожиданно выскакивал в коридор и совал моей матери в руки толстую книгу в картонном переплете:

– Вот, видишь, читаю. Исторический роман.

Это был, кажется, «Степан Разин» или «Кондратий Булавин».

– Ну-ка, Мана, – обращался он к жене, – дай-ка я сяду, почитаю.

– А садись, Миш, садись, почитай, – отвечала супруга, зная его приемы наизусть.

Он надевал очки, открывал дверь в комнату, чтобы все могли его видеть, и садился под ходиками с кукушкой.

К Новому году он доставал с антресолей гармонь, гитару и балалайку, носил их по квартире, кричал: «Во, гляди, гляди! Антиква мармелад!» и смеялся. Осмысленной музыки я в его исполнении никогда не слышал.

Над столом у него висела написанная маслом лошадь с санями под оранжевым закатом. Он подводил меня к ней и показывал: «Во, это я сам.»

Когда у меня начались свидания, он доносил моей матери: «А он тут без вас приводил».

Так он перескакивал от пакостей и щипков из-под тишка к социально-одобренным ролям и образцам. Когда я пошел в институт, он напутствовал меня в коридоре: «Учись, учись, и еще раз тебе скажу, учись!»

Наконец супруге надоели попреки и побои, она подала в суд и посадила его по статье «Мелкое хулиганство». Через год он вернулся, как с курорта: загорелым, поджарым и мускулистым. Глаза, потерявшие муть, стали голубыми, как будто отсутствие свободы было его родной стихией.

– Ну, Миш, как будешь вести? – Для проформы спросила супруга.

– Так точно, Матрена Федоровна! – Отвечал муж голосом бравого моряка, вернувшегося из дальнего похода.

Теперь она, в свою очередь, прописала его, рассчитывая, что семейные позиции таким образом уравниются.

Но через месяц он снова помутнел, обрюзг и начал куражиться по ночам.

– Гавнюзя, – шипел он так, что было слышно через стенку. – Я думал, ты – русская народная женщина, а ты – блядь домодедовская!

– Хорошие люди помирают, – бормотала она у плиты, брызгая раскаленным маслом, – а эти живут, ничего им не делается.

Общительной и разговорчивой она становилась только на похоронах. Увидев в окно похоронную машину, она любила выйти во двор и жадно выпрашивала подробности о смерти незнакомого человека, поддакивая, кивая и приговаривая «царствие небесное, местечко райское».

Вскоре она развелась с ним и быстро получила отдельную комнату. К этому времени я уже жил один и целыми днями пропадал на работе. Без партнеров и публики он резко, не по хорошему сдал, стал часами стоять неподвижным столбиком у подъезда. В завершение нашей совместной жизни он взорвал перину.

По дороге с работы у троллейбусной остановки я увидел, что в воздухе летает белый пух. Прохожие удивленно крутили головами. Пушинки летали и кружились, как снег. Возле домов пух лежал легкими сугробами. У нашего подъезда стояли три красные машины. Пожарники тянули брезентовый рукав. Пух летел из окна моей квартиры.

Лежа на кровати, сосед закурил и заснул. Сигарета упала и прожгла перину. Под кроватью стояли обросшие пылью бутылки с лаками, олифой, красками и скипидаром, которые сосед не вынимал все эти двадцать лет. Одна из бутылок взорвалась. От взрыва сосед проснулся, выбросил в окно горевшую перину и засыпал весь район пухом. Тушить пожарным было нечего. Сосед, счастливый, бегал по двору в носках и смеялся.

Через день я застал в квартире трех похожих друг на друга незнакомых женщин одинакового маленького роста с одинаково напряженными лицами. Они сказали, что совершили с дядей Мишей родственный обмен. Одна из них была моя новая соседка. Она искала в Москве одинокого старика, готового за уход на старости обменять Москву на Подмоскowie. Две другие женщины были ее мать и сестра.

– Познакомимся, – сказала новая соседка – Надежда, – и протянула мне короткую руку с ладонью-лопаткой.

Ей было приблизительно как и мне, лет тридцать пять. Это была маленькая женщина с широкими плечами, широко расставленными глазами и прямыми светлыми волосами, аккуратно расходившимися из макушки. Она носила высокие сапоги и топала ими, как солдат на параде. Такая походка и манеры подошли бы сотруднице милиции. Скорость, с которой она проделала обмен, также указывала на связь с органами правопорядка. Надежда подтвердила мои предположения, когда сказала:

– Я – научный сотрудник. Работаю на Петровке.

«Работать на Петровке» в Москве означало быть милиционером. Я решил, что она работает в каком-нибудь милицейском НИИ или лаборатории.

Использовала она свою комнату главным образом для любовных встреч. Стол, кровать и шкаф дяди Миши остались на своих местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.